

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СЛЯТ

ДЕЛО № 13-023

ДОКЛАДЫВАТЬ
МНЕ ЛИЧНО!

Тревожные весна и лето
1993 года

А.П. Орлов

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Гриф секретности снят

Андрей Орлов

**Докладывать мне
лично! Тревожные
весна и лето 1993 года**

«ВЕЧЕ»

2013

Орлов А. П.

Докладывать мне лично! Тревожные весна и лето 1993 года /
А. П. Орлов — «ВЕЧЕ», 2013 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4444-8822-5

В книге рассказывается о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории — ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды. Автор и некоторые его коллеги сами находились в эпицентре происходящих событий, что предопределило документальный характер повествования. Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали все возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их замыслы. По известным причинам имена и фамилии некоторых участников событий изменены, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминания участников событий и публикации в средствах массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-4444-8822-5

© Орлов А. П., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Андрей Орлов

Докладывать мне лично!

Тревожные весна и лето 1993 года

От автора

В этой книге я попытался рассказать о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории – ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что, самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды.

Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали все возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их преступные замыслы. Поскольку тайная война с криминалом зачастую не оставляет документальных свидетельств, некоторые сюжеты были подвергнуты авторской реконструкции и базируются на моем личном восприятии и опыте, как одного из участников описываемых событий. Наряду с реальными действующими лицами, часть имен и фамилий которых мне пришлось изменить, в повествовании присутствуют собирательные образы, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминаний участников и публикаций в средствах массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи.

Обращаясь к сложной и полной противоречий обстановке 1993 года, я посчитал необходимым спустя два десятка лет рассказать об отдельных эпизодах, в которых довелось участвовать мне и моим коллегам по работе и службе. Ведь именно тогда закладывались основы противодействия нарастающей волне коррупции, преодоление которой и в наши дни является приоритетной задачей государства и общества. О том, насколько интересным и убедительным получился мой рассказ, судить вам, читатель. Я же старался быть непредвзятым, честным и искренним.

А.Орлов

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.

Кабинет руководителя Администрации Президента

– Перед вами стоит очень важная задача. Первое – это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет ни в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь появились люди, которые передают служебные сведения на сторону... Или просто их продают... Надо что-то делать... И добиться того, чтобы в Администрации Президента и в Аппарате Правительства с этим был порядок. И второе. Это – корруп-

ция. Есть информация, что некоторые чиновники берут взятки, за деньги лоббируют на самом высоком уровне правительственные решения... Вы должны докладывать мне лично, а я буду докладывать Борису Николаевичу о таких фактах. Вы меня понимаете, Андрей Петрович?

Филатов¹ испытующим взглядом посмотрел на сидящего перед ним Орлова. Тот молча кивнул.

– Если вы получите информацию о... высших должностных лицах... но, только достоверную... то мы вместе с вами... или вы один будете докладывать непосредственно Президенту. Я это согласовал с Борисом Николаевичем... Вам все понятно?

Орлов серьезно посмотрел на руководителя Администрации Президента и, едва скрывая волнение, ответил:

– Да, Сергей Александрович, мне все понятно.

– Тогда запишите мой прямой телефон... Да, и на дачу... Вы можете мне звонить в любое время суток, и, если у вас будет срочное дело, я вас сразу приму. Включайтесь быстрее в работу. Время для раскачки у нас нет. Письмо о прикомандировании я подпишу сегодня же.

– Все ясно. Я готов приступить к работе на следующей неделе. Обещаю вам, Сергей Александрович, что приложу все силы, чтобы качественно решать задачи, о которых вы сказали, – как мог, проникновенное произнес Орлов заранее заготовленную фразу, но, почувствовав ее банальность, смущился.

Филатов только поморщился и сухо сказал:

– Давайте, работайте. Надо помочь Президенту.

Разговор был окончен и Орлов, пожав протянутую руководителем администрации руку, вышел из кабинета. С начала беседы с одним из самых могущественных людей в государстве прошло каких-нибудь двадцать пять минут. А всего лишь час назад, сдерживая внутреннюю дрожь, он входил в широкий дверной проем в стене рядом со Спасской башней Кремля, предъявив офицеру охраны свое удостоверение.

СТАТЬЯ: «Поступающая в Администрацию Президента информация позволяет сделать вывод о том, что коррупция в России превращается в общегосударственную политическую проблему. Оказались под угрозой экономические реформы и демократические преобразования.

Коррупция пронизала все уровни госаппарата, включая самые верхние. Тревожит распространение этого явления среди работников правоохранительных органов. Фактически есть признаки того, что в определенных сферах реальная власть переходит к параллельной системе управления на криминальной основе. И в этом смысле государство может стать неуправляемым...» (Статья С.А. Филатова, в 1993–1996 годах – руководителя Администрации Президента. «Независимая газета», 24 марта 1993 года).

Чем ближе Орлов подходил к главному угловому подъезду известного кремлевского трехэтажного здания с зеленым куполом, тем все большее волнение охватывало его. Как-то так получилось, что до сих пор ему доводилось попадать в этот дом только через подъезд с тыльной стороны здания у Кремлевской стены. А теперь ему вдруг сказали, что он должен войти в святая святых российской власти через те самые двери, которые по меньшей мере два раза в день минует сам Президент.

Главный вход кремлевского дома, когда-то давно называвшегося Сенатом, затем зданием Правительства, а теперь именуемого просто первым корпусом, выглядел довольно скромно и, как казалось Орлову, не отличался особыми архитектурными достоинствами – несколько ступенек, образующих крыльцо с миниатюрным резным металлическим навесом, полукруглая арка с массивными дверями, расположенная чуть выше ниша, в углублении которой виднелись

¹ Филатов Сергей Александрович – в 1993–1996 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

окна, завешанные белыми шторками, покрытые желтой краской стены со слегка нависающим карнизом. В общем, обычный старинный московский дом, построенный в классическом стиле. Не более того.

Неподалеку от углового подъезда, чуть в стороне, стояли две черные «Волги» с правительственные номерами. За тонированными стеклами угадывались силуэты водителей или, быть может, охранников. День был солнечный, но довольно прохладный. На свободном пространстве площади чувствовалось дуновение холодного ветра, от которого Андрей даже немного поежился.

«Вот ведь, середина марта, а холодно, как зимой», – это последнее, о чем он подумал, прежде чем взялся за бронзовую ручку входной двери.

Орлов предъявил прапорщику охраны служебное удостоверение, которое тот долго изучал, будто пытаясь уличить посетителя в подделке или ином злом умысле. Потом долгим испытующим взглядом он посмотрел на Орлова, наверное, мысленно сличая его лицо с фотографией на удостоверении, и молча вернул документ, снисходительно буркнув:

– Проходите.

Прямо виднелась парадная лестница, покрытая темно-красным ковром. Ее ступени уходили вверх, создавая ощущение торжественности и парадности.

«Наверное, по ней и ходит Президент», – подумал Орлов. Но памятая о том, что ему сказали подняться на второй этаж на лифте, повернул направо и через несколько ступенек оказался перед лифтовой дверью, которая неожиданно тут же раскрылась и из нее вышел высокий мужчина с густой шевелюрой темных волос. На нем был надет аккуратный серый костюм с еле заметными серебристыми полосками и белая рубашка с бордовым галстуком. В руке он держал толстую черную кожаную папку.

– Здравствуйте! – сказал Орлов, сразу узнав многократно мелькающего по телевизору первого вице-премьера.

Но тот скользнул безразличным взглядом по незнакомому лицу, ничего не ответил, а только едва заметно кивнул. Впрочем, Орлов не был уверен в этом. Может быть, ему только показалось, что заместитель главы правительства ответил на его приветствие.

Кабинет он нашел довольно быстро, немного пройдя по светлому коридору чуть вперед и прочитав на дверной табличке: «Филатов С.А.». Да, ему было нужно именно сюда, в этот один из самых важных кремлевских кабинетов, который занимал руководитель Администрации Президента Сергей Александрович Филатов, в начале 1993 года, может быть, самый влиятельный человек в окружении Ельцина.

Приемная была очень большой, можно сказать громадной. Три окна делали ее светлой и просторной. Рядом с массивной дверью в кабинет Филатова стоял стол секретаря, неподалеку от него множительный аппарат, тумбочки с какими-то бумагами и канцелярскими предметами, вдоль стен – диван, несколько тяжелых стульев, затянутых черной кожей, пара шкафов «кремлевского» типа, металлический сейф. В центре холла, нисколько не делая его узким, возвышался круглый полированный стол с аляповатой вазой, из которой торчали стебли какого-то засушенного растения. Широкие подоконники были сплошь завалены бумагами, подшивками газет, пачками толстых справочников. Там же стояла кофеварка, высокий термос с удлиненным носиком, чайная посуда на пластмассовом подносе, несколько бутылок минеральной воды. Справа, напротив двери, ведущей в кабинет Филатова, виднелась приоткрытая дверь в смежную комнату, в которой, наверное, сидели помощники или референты.

Казалось, на вошедшего Орлова никто особенно не обратил внимания. Только светловолосый парень, сидящий за столиком рядом с входной дверью, оторвавшись от чтения какой-то книги, вопросительно поднял на Андрея глаза.

«Прикрепленный», – догадался Орлов. Так называются сотрудники Службы охраны, отвечающие за безопасность высших руководителей государства, проще говоря – телохранители.

Миловидная женщина средних лет о чем-то говорила по телефону, одновременно стучала пальцами по клавиатуре компьютера и поглядывая на экран монитора.

– Нет, нет, нет! Сергей Александрович сегодня занят! Принять не может! У него расписано все до двадцати двух часов! – громко возражала в трубку секретарша. – Еще раз говорю: я записала ваш звонок! Может быть, может быть! Позвоните завтра во второй половине дня! Всего хорошего!

Она положила трубку на один из многочисленных аппаратов, стоявших на боковом столике, и сосредоточенно стала смотреть на экран монитора, по-видимому, пытаясь уточнить для себя что-то в распорядке дня своего руководителя.

– Добрый день, – Орлов постарался как можно более любезно обратиться к секретарше.

– Здравствуйте, – сухо ответила та, не отрываясь от компьютера.

– Я… – начал Андрей. – Меня пригласили на беседу.

– Ваша фамилия? – секретарша наконец оторвалась от своего занятия и посмотрела на него. – Вы Орлов?

– Да! – несколько удивленно, но с каким-то облегчением ответил Андрей. – Мне назначено на три часа.

– Посидите! Сергей Александрович освободится, и вас пригласит! Вон там за столиком, – она кивнула головой в сторону круглого стола с вазой, за которым уже сидел грузный мужчина и сосредоточенно «изучал» газету.

Орлов тоже присел за стол, взял в руки яркий журнал. Затем мельком взглянул на часы. Было пять минут четвертого. Андрей вдруг почувствовал, что уже совершенно не волнуется в ожидании встречи с Филатовым. То ли обыденная обстановка приемной сняла напряжение, то ли взяла верх привычка спокойно реагировать на незнакомую ситуацию, чтобы не допустить какой-либо оплошности.

«Прикрепленный», о чем-то тихо переговорив с секретаршей, подошел к Орлову.

– Вы из МБ? – спросил он, понизив голос.

– Да, – ответил Андрей.

– Хорошо, – парень кивнул, снова уселся за столик и продолжил прерванное чтение книги. Видно, удостоверившись в чем-то, он теперь уже совершенно не обращал внимания на нового посетителя. Дело в том, что аббревиатурой «МБ» обозначалось Министерство безопасности, которым именовались остатки ликвидированного более года назад КГБ СССР.

Подполковник Орлов был заместителем начальника Оперативного управления этого министерства. В очередной раз судьба ставила его перед сложным решением, когда, кажется, сам случай определял за него, как дальше ему жить и работать. Он шел на разговор с руководителем Администрации Президента страны, уже зная, что на него пал совершенно неожиданный выбор. И этот выбор должен был круто изменить ставшую уже привычной обстановку. Правда, тогда Андрей даже не мог себе представить, что ждет его в ближайшем будущем, что тем мартовским днем начнется новый отсчет событий не только в его служебной карьере, но и в самой жизни. Для сорокадвухлетнего офицера контрразведки наступал этап биографии, которым он мог бы впоследствии гордиться или которого должен был бы стыдиться всю последующую жизнь. Ранней весной 1993 года он этого не мог знать, как не мог знать никто, что ждет страну через каких-нибудь полгода.

* * *

В первом корпусе Кремля Орлов бывал неоднократно. Начиная с прошлой весны он в течение нескольких месяцев почти каждодневно приезжал сюда на совещания, которые проводил секретарь Совета безопасности Юрий Владимирович Скоков². Тогда все произошло также совершенно неожиданно. Орлова, который уже около двух месяцев осваивал новую должность заместителя начальника управления, в конце апреля вдруг вызвал к себе министр безопасности Баранников³.

От этой встречи Андрей не ждал для себя ничего хорошего. Прежде всего потому, что министру, конечно же, было известно о том, что Орлов, будучи помощником его предшественника, играл не последнюю роль в противодействии объединению органов госбезопасности и внутренних дел. Задуманная тогда Баранниковым авантюра – собрать под одной крышей чекистов и милиционеров – закончилась, как известно, неудачей, и амбициозному генералу армии оставалось только одно – возглавить самому оставшееся самостоятельным ведомство. Пользуясь безграничным доверием Президента, он чувствовал себя в кресле министра довольно уверенно и потихоньку начал подтягивать в Министерство безопасности своих людей, а также перекраивать на свой лад структуру министерства.

– Садись, – небрежно протянув руку вошедшему тогда в кабинет Орлову, буркнул Баранников. – Мне тебя представляют как способного работника. Я вынужден доверять мнению тех, кто тебя порекомендовал… Но…

Он замолчал, как-то по-недоброму глядя на Орлова. Слух Андрея резануло фамильярно-пренебрежительное «ты», которое не имело ничего общего с доверительностью или снисходительной доброжелательностью начальника к своему подчиненному.

– В общем, будешь работать у Скокова. Столько, сколько нужно. Надо ему помочь создать Совет безопасности. Там будут еще люди из МВД, из разведки, МИДа, Министерства обороны. Дело очень ответственное. Никого к нему подключать нельзя. Все делать будешь только сам. – Тут Баранников как-то особенно посмотрел на Андрея и, выдержав паузу, продолжил: – Будешь докладывать мне лично все, что будет серьезное. Понял? – И, не дожидаясь ответа, протянул руку и сказал: – Иди!

– Все понял, Виктор Павлович! – четко выговаривая слова, ответил Орлов. Потом, будто, вспомнив о чем-то, спросил: – А как же управление?

– Что? А от должности тебя никто не освобождал. Это тебе общественная нагрузка. Понял?

– Да. Разрешите идти?

– Иди!

– Есть!

Орлов повернулся почти так, как когда-то его учили в Добельской сержантской школе, и вышел из кабинета.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я всего три раза встречался с Баранниковым. Но первая встреча запомнилась больше всего. Она состоялась в 1992-м, когда я был, можно сказать, в подвешенном состоянии. Меня временно назначили на должность главного инспектора Оргинспекторского управления, но держали “на подхвате” – то подготовь такую-то бумагу, то поучаствуй в совещании, то направь шифровку… И вдруг звонок из приемной министра: “Вас срочно вызывает Виктор Павлович”. Я не мог даже представить, зачем! Быстро дошел до приемной, подождал пару минут, и меня

² Скоков Юрий Владимирович – в 1992–1993 годах секретарь Совета безопасности Российской Федерации.

³ Баранников Виктор Павлович – в 1992–1993 годах министр безопасности России.

пригласили в кабинет. Баранников, не поднимаясь из-за стола, протянул руку и буркнул: “Садись!” Я сел.

Без какого-либо вступления он резко так сказал: “Я знаю, ты против меня вместе с Иваненко⁴ развернул тут борьбу! – Он усмехнулся. – Я бы тебя выгнал, но... все говорят, что ты головастый парень. Поэтому я решил назначить тебя на должность заместителя начальника управления. К Погонию⁵. Знаешь его? – Я кивнул. – Работай! Но, если я что-нибудь узнаю про твое участие в интригах – вылетишь немедленно! Понял? – И, не дожидаясь ответа, бросил: – Иди!”» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

Через два дня после разговора с Баранниковым Орлов впервые вошел в кабинет Скокова на первом этаже главного кремлевского здания. С этого момента началась изнурительная работа у секретаря Совета безопасности – многочасовые обсуждения различных конфиденциальных вопросов текущей политики, принципов организации и формирования аппарата самого Совета безопасности, идей, которые должны лечь в основу первого послания Президента России Верховному Совету.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 23.4.92 г.

Доклад Президента до 1. VII... До сих пор – ЦК⁶, СБ⁷ – инструмент.

Процедура подготовки и принятия решения. Группа – по разработке концепции. Комиссия – работа по разделам. Принципы, логика документа (корректизы)...

Основа работы СБ – прогнозно-информационный, аналитический блок. СБ – ед. инструмент государственного управления в руках Президента... Как сформировать СБ? Президент должен понять, что СБ нужен ему как воздух... СБ – под сильную президентскую власть.

Некоторые фрагменты: сохранение государственности, защита личности, обеспечение устойчивости системы управления государством.

СОВЕТ Б. – инструмент обеспечения страт. стабильности с учетом внутриполитических факторов» (*Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 23 апреля 1992 года*).

Все бы ничего, но Орлова никто не освобождал от его прямых служебных обязанностей. Днем он продолжал руководить второй службой Оперативного управления – ставить задачи перед сотрудниками, связываться с территориальными управлениями, докладывать начальству отдельные вопросы оперативно-служебной деятельности, – и уже потом, вечером, мчаться в Кремль, чтобы, сидя вместе с коллегами за длинным столом в бывшем молотовском кабинете⁸, обсуждать самые острые вопросы внутренней и внешней политики государства.

ИНФОРМАЦИЯ: «В первые недели работы в группе у Скокова меня переполняло чувство собственной значимости. Неожиданно для себя оказавшись в центре разработки важнейших государственных решений, я ощутил своего рода азарт и неимоверный прилив сил. Но больше всего меня сначала занимали чисто внешние эффекты. Проноситься на черной “Волге” через Лубянскую площадь по Ильинке и на глазах у гуляющей по Красной площади публики въезжать в ворота Спасской башни – это было потрясающее! Внутри все ликовало, и хотелось, чтобы все видели – это я, я еду в машине! Правда, въезжать непосредственно в Кремль получалось не всегда, и тогда я оставлял машину на Васильевском спуске. Да и с течением времени

⁴ Иваненко Виктор Валентинович – в 1991 году председатель КГБ (Агентства федеральной безопасности) РСФСР.

⁵ Погоний Яков Федорович – в 1992–1995 годах начальник управления Министерства безопасности России.

⁶ ЦК (сокр.) – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

⁷ СБ (сокр.) – Совет безопасности Российской Федерации.

⁸ Рабочий кабинет в 1-м корпусе Кремля, в котором в 30-е и 40-е годы XX века размещался В.М. Молотов, председатель Совета народных комиссаров СССР, нарком, затем министр иностранных дел СССР.

острота ощущений поубавилась. А к моменту перехода на работу в администрацию – вообще улетучилась» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

Иногда Орлову казалось, что он случайно оказался в компании могущественного секретаря Совета безопасности, опытного разведчика, не раз бывавшего в длительных загранкомандировках, начальника одного из ведущих управлений МВД и руководителя ключевого департамента Министерства иностранных дел. Его собственных знаний и жизненного опыта явно недоставало для того, чтобы веско и аргументированно отстаивать свою позицию, на равных «состязаться» с более старшими и уж, конечно, с более искушенными в политике людьми. Поэтому Орлов чаще молчал, а уж если говорил, то только в тех случаях, когда не сомневался в правильности своей позиции и был уверен в точности приводимых фактов и доводов.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 5.5.92 г., 18.45. Основная опора: армия, промышленность, территория.

1) Доклад Президента – как основной программный документ по вопросам внутренней и внешней политики.

2) Считать, что основой в подготовке... является МВК...⁹

3) Создать СБ в соответствии с Законом и Положением о СБ – приступить к формированию СБ на основе Временного положения. Обеспечить начало функционирования СБ с 20.5.92 г.» (*Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 5 мая 1992 года*).

Так продолжалось до самой осени, пока работа тайной группы не была свернута в связи с созданием аппарата Совета безопасности. За это время Орлов успел несколько привыкнуть к «коридорам власти», неоднократно на бордовых дорожках попадались известные ему по телевизионному экрану деятели – министры, политики, журналисты, бизнесмены. Однажды, когда они вместе с Виталием Федоровичем из Службы внешней разведки курили неподалеку от дверей кабинета секретаря Совбеза, вдруг в конце коридора появился Скоков в сопровождении коренастого круглоголового генерала.

– Вот, познакомьтесь, – сказал, лукаво улыбаясь, Юрий Владимирович, – представляю вам нового министра обороны и генерала армии¹⁰. Только что Борис Николаевич подписал указ. Можете поздравить. Вы будете первыми.

Генерал недоумевающим взглядом уставился на Андрея и Виталия Федоровича, напряженно пытаясь понять или вспомнить, что за люди перед ним. И тот и другой были явно ему незнакомы. «Может быть, это новые советники Президента или какие-нибудь недавно назначенные высшие чиновники администрации?» – именно этот вопрос читался в глазах Грачева.

– Это эксперты Совета безопасности, Павел Сергеевич, – наконец разрешил недоумение генерала Скоков.

Оба «эксперта» пожали руку генералу и сказали что-то вроде «поздравляем!» или «желаем удачи!», тогда еще не зная, сколько драматических и даже трагических событий будет связано с именем нового министра обороны Грачева.

– Теперь целую неделю руки мыть не будем! – пошутил тогда Орлов.

* * *

Опять резко зазвонил телефон. Орлов очнулся от воспоминаний, бросил взгляд на женщину-секретаря, что-то шепчущую в трубку, прикрываясь рукой, светловолосого «прикрепленного», продолжающего читать книгу, толстяка с газетой, сидящего напротив. Филатов все не приглашал в кабинет, видно занятый беседой с каким-то важным посетителем. Андрей взглянул на часы – было двадцать минут четвертого. Начало аудиенции явно затягивалось.

⁹ МВК (сокр.) – Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации.

¹⁰ Грачев Павел Сергеевич – в 1992–1996 годах министр обороны Российской Федерации.

«Почему большие начальники не могут придерживаться назначенного времени? – подумал Орлов. – Или они считают нас всех мелкими сошками, удел которых ждать и догонять?»

Наверное, если бы сейчас кто-нибудь внимательно посмотрел на Орлова, то заметил бы на его лице, кроме легких признаков волнения, досаду и нетерпение. Причем, чем дальше шло время ожидания, тем более явным становилось проявление этих чувств. С ним происходило то, что в обиходе называется «перегореть». Вместо волнующего предвкушения важного для его жизни события Андрей все больше ощущал растущее раздражение, которое путало мысли и перемешивало заранее сконструированные ответы, которые он намеревался дать на возможные вопросы руководителя администрации.

Орлов опустил взгляд на разворот яркого журнала, который все еще держал в руках. Броская реклама пива – покрытая капельками росы кружка, наполненная доверху янтарного цвета напитком, ниспадающие белые хлопья пены, искусственные белозубые улыбки парней, для которых, кажется, употребление пива является единственным занятием и настоящим смыслом жизни, – все это только усиливали раздражение Орлова. Он закрыл журнал, отодвинул его на середину стола. Тучный посетитель, сидящий напротив, поднял глаза на Андрея, окинул его безразличным взглядом и опять погрузился в чтение газеты. Прерванные было воспоминания о работе со Скоковым снова всплыли в памяти.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 13.5.92 г., План: – до Пн. – концепция (принципы строительства...).

в Повестку дня:

- вопрос о границе;
- вопрос о гостайне;
- о налоговой службе;

– выработка правил поведения на территории экономически единого пространства и санкций за их нарушение;

– основные принципы внешней и внутренней политики;

– система жизнеобеспечения государства» (Из рабочего блокнота А.П. Орлова.

Запись 13 мая 1992 года).

Из той засекреченной рабочей группы почти все перешли на работу начальниками управлений в аппарат Совета безопасности и только Виталий Федорович с Андреем остались в своих ведомствах – первый потому, что отказался променять службу в разведке на чиновничий кабинет, а второй… Второму просто не предложили перейти в Совбез¹¹. И это было не случайно.

В один из поздних июльских вечеров, когда все уже изрядно устали от бесконечных обсуждений, Скоков вдруг, откинувшись в кресле, стоящем в торце длинного стола для заседаний, сказал:

– Вот мы говорим: «национальная безопасность»… «безопасность внешняя», «военная», «внутренняя», «экологическая»… Перечисляем угрозы безопасности России… Все это верно… Но вот первое послание Президента, которое мы должны с вами сделать… Какая генеральная идея должна быть в нем? Каков должен быть стратегический курс государства? Вот – главные вопросы. Все остальные – производные от них. Двадцать третьего, в четверг, прошу каждого из вас подготовить тезисы по этим вопросам. Понятно? Каждый подумайте, что должно консолидировать наше общество? Какая идея должна лечь в основу этой консолидации? Докладывать будете мне лично на следующем совещании!

Было видно, что Скокова эти проблемы действительно очень заботили. Все, чем занималась группа в преддверии формирования Совета безопасности, лишь частично помогало ему в выстраивании собственной политической линии влияния на Президента, вокруг которого с некоторых пор буквально «вились» невежественные и нахрапистые советчики, обеспокоен-

¹¹ Совбез (сокр.) – Совет безопасности Российской Федерации.

ные только одним – упрочением своего собственного влияния. Те, что год назад назывались соратниками Президента в борьбе за демократию и вместе с ним «защищали» Белый дом, к этому времени стали его близким окружением, обладающим реальными рычагами управления некогда могучего государства.

Это было время, когда в структурах власти стали появляться личности, которые, дорвавшись до источников народного достояния, созданного предшествующими поколениями, будь то нефть, газ, уголь, оборонные заводы, лаборатории или конструкторские бюро, буквально впивались в жизненную плоть страны. Растиаскивание по личным карманам государственных ресурсов, которые создавались веками, превращало страну в гигантский пирог, который, растиаскивая друг друга, можно было делить, резать на куски, кромсать на мелкие части. Вместо роста благосостояния и повышения уровня жизни народа, которые сулили «прорабы перестройки» и «борцы против тоталитарного режима», страна вползла в самую дремучую плутократию, где кучка нуворишей уже готова была распоряжаться всем богатством бывшего СССР, да что богатством, – миллионами жизней граждан многонационального государства.

Скоков, прошедший трудную школу организатора оборонного производства и прикладной науки, возглавлявший некогда крупнейшее в Москве научно-производственное объединение «Квант», не мог не видеть масштабов того развода, который происходил в стране. Оказавшись на кремлевском Олимпе и став, по сути дела, одной из ключевых фигур, влияющих на Президента, он пытался остановить процесс деградации, все больше и больше входя в конфликт с некоторыми фигурами из президентского окружения.

Давая поручение подготовить каждому свое видение стратегического курса страны, Юрий Владимирович, наверное, хотел сверить свои взгляды с мнением компетентных представителей «силового» и внешнеполитического блока, а может быть, и «нащупать» тот единственно верный путь, которым должно выбираться из трясины Российское государство.

– Ничего себе задачка! – только и сказал, выходя из кабинета Скокова, Виталий Федорович. – Ни много ни мало, «стратегический курс страны»!

Остальные только безнадежно вздохнули. Ведь всем приходилось напрягаться, невзирая на то, что на службе у каждого была масса дел, за всеми стояли большие коллективы сотрудников, и каждый нес ответственность перед своим собственным руководством. Тем не менее Орлов даже с некоторым воодушевлением воспринял поручение Скокова. Наконец-то он мог как-то проявить себя, показать на что он способен, попытаться убедить других в правильности именно своей точки зрения. Впрочем, когда Андрей на следующий день начал работать над тезисами, он вдруг убедился, что ему самому далеко не ясно, какие же позиции являются принципиальными и наиболее важными. Сначала он перечитал груду бумаг – различных документов, докладов, сводок, каких-то записок. Даже полистал газеты. Но это практически ни на йоту не продвинуло его к цели. Каждый дул в свою дудку. Гайдар¹² боготворил либерализацию цен и приватизацию государственной собственности, которые загоняли страну в нищету; Бурбулис¹³, нагромождая одну фразу на другую, твердил о какой-то «особой российской ментальности»; Руцкой¹⁴ с прямотой старого вояки выступал за возвращение госзаказа; Хасбулатов¹⁵, во всем обвиняя правительство и Президента, призывал к созданию парламентской республики. Что-

¹² Гайдар Егор Тимурович – исполняющий обязанности председателя Правительства Российской Федерации (1992), консультант Президента России по вопросам экономической политики (декабрь 1992 – сентябрь 1993), первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1993–1994).

¹³ Бурбулис Геннадий Эдуардович – Государственный секретарь, первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), руководитель политологического центра «Стратегия» (с 1993 г.).

¹⁴ Руцкой Александр Владимирович – в 1991–1993 годах вице-президент Российской Федерации.

¹⁵ Хасбулатов Руслан Имранович – в 1991–1993 годах председатель Верховного Совета Российской Федерации.

то толковое предлагал Вольский¹⁶, но в короткое время Андрей так и не смог найти материалы с его выступлениями. В общем, надо было думать самому.

Орлов корпел над текстом тезисов сам, никого не посвящая в эту работу. Он поступал так не только потому, что получил указание Баранникова ни с кем не делиться услышанным в Кремле, но и из-за того, что не хотел никого втягивать в это немного странное занятие, чтобы не «подставить» кого-либо из подчиненных, если его позиция будет воспринята в Кремле как ошибочная или вредная.

Всю неделю он приезжал домой не раньше одиннадцати. Вконец измотанный за день круговортью дел и вечерними бденьями за подготовкой тезисов, Андрей успевал лишь поцеловать жену и мигом проваливался в тяжелый и беспокойный сон, который почему-то не снимал общей усталости. А на утро, накоротко позавтракав, он спускался вниз, где его уже ждала дежурная «Волга», и мчался на службу, чтобы успеть ознакомиться с шифртеграммами, поставить задачи перед начальниками отделов, подготовиться к очередному совещанию у первого заместителя министра или начальника управления.

Он успел сделать все, что хотел, и, когда из-под матричного принтера, наполняющего кабинет монотонным скрежетанием, медленно выползли друг за другом четыре листа, ощутил подлинное удовлетворение. Текст получился компактным, но, как казалось Орлову, достаточно емким. Сначала он в нескольких строках дал сжатую оценку геополитической ситуации и социально-политической обстановки, отметив при этом, что «кризис достиг наивысшего предела, за которым – необратимые процессы распада основ государственности и утрата национального суверенитета России». Затем он попытался сформулировать главную стратегическую задачу – «восстановление стабильности в государстве и обществе, возвращение гражданам России чувства уверенности в завтрашнем дне». Для этого, считал Орлов, «требуется кардинальная переориентация целевых установок органов власти и управления».

ИНФОРМАЦИЯ: «Для меня это было чрезвычайно трудное задание. Нет, не потому, что был явный дефицит времени. Работать в экстремальном режиме я привык. Трудность заключалась в том, чтобы, с одной стороны, четко сформулировать свои предложения, ни с кем не советуясь и опираясь на собственное понимание обстановки, а с другой – не выглядеть ретроградом и противником демократических преобразований. В противном случае это могло мне стоить не только должности, но и самого нахождения на службе в органах...» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

На следующий вечер, когда рабочая группа снова собралась в Кремле, Орлова охватило лихорадочное возбуждение. Интуитивно он чувствовал, что сегодня должно произойти что-то серьезное, очень важное для него. Это не было ощущением студента перед экзаменом или соискателя ученой степени перед защитой диссертации. Нет, скорее всего, это напоминало состояние человека, решившегося на безрассудный и отчаянный поступок, после которого, как говорят, или грудь в крестах или голова в кустах. Андрей сознавал, что подготовленные им предложения, как бы это помягче сказать, не совсем в дугу. Они явно расходились с тем, что говорилось высшими должностными лицами государства, за что ратовали «гайдары» и к чему призывали «демократические СМИ». Надежда была только на самого Скокова, который, как казалось Андрею, очень болезненно переживал углубляющийся развал народного хозяйства и, особенно, оборонного комплекса, человека разумного и явно небезразличного к интересам государства.

– Ну что, как домашнее задание? – слегка улыбнувшись, спросил Скоков. – Начнем? Кто готов первым?

В кабинете повисла напряженная тишина. Казалось, никто не хочет начинать трудный разговор. Первым нарушил тишину представитель МИДа:

¹⁶ Вольский Аркадий Иванович – в 1990–2005 годах президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

– Юрий Владимирович, я думаю... вот тут я написал... главной стратегической целью России на сегодняшнем этапе... Я могу говорить только о внешнеполитическом аспекте проблемы...

Скоков одобряюще кивнул.

– Так вот, – продолжал дипломат, – стратегической целью России на международной арене должна стать сбалансированная внешняя политика, позволяющая...

Он говорил, как всегда, медлительно-плавно, весомо, выразительно и даже немного высокопарно, как будто делал сообщение на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Перебить или остановить такое выступление было просто невозможно, если не сказать больше – неприлично. Поэтому Скоков, видимо соглашаясь с тезисами, кивал, а у сидевших за столом появилась надежда на то, что этим выступлением все и ограничится.

После того как дипломат закончил свою пространную речь, они еще несколько минут обсуждали внешнеполитические аспекты российской политики, после чего Скоков все-таки спросил:

– Ну а по поводу стратегического курса страны кто-нибудь что-то скажет?

Наступило продолжительное молчание, как это бывало когда-то на уроках в школе. Учитель водит пальцем по журналу и говорит: «Так, сейчас к доске пойдет... К доске пойдет...» В этот момент класс замирал. Так было и здесь, в кабинете Скокова. Орлов понял, что настал его черед. Он отбросил малодушную надежду отмолчаться и в этот раз.

«А, была не была!» – промелькнуло в голове у Андрея. – Можно мне, Юрий Владимирович?

– Пожалуйста, – Скоков с удивлением посмотрел на доселе чаще молчавшего Орлова. Видно было, что от него-то Юрий Владимирович не ожидал такой активности.

– Первая часть послания Президента, – начал Орлов, встав со стула и заглядывая в лежащие на столе листы бумаги, – должна содержать...

Он принял кратко излагать оценку ситуации. Но Скоков тут же остановил его:

– Нет, нет. Давайте сразу предложения.

– Хорошо... – Андрей как-то немного стушевался, перевернул лист и стал продолжать, сначала как-то неуверенно, а затем все более решительно и настойчиво. Было заметно, что он слегка волнуется.

– Предлагается принять программу социально-политической стабилизации...

При этих словах Орлов заметил, что Скоков слегка поморщился. Наверное, Юрию Владимировичу не очень понравилось броское название, которое Андрею казалось удачной находкой, пришедшей ему на ум глубокой ночью.

– ...При этом, – продолжал он, – главными средствами достижения стабильности являются: гражданское согласие, консолидация активных сил общества на основе экономических преобразований и восстановление управляемости процессами жизнедеятельности государства.

Скоков слушал внимательно, но пальцы его правой руки как-то совершенно беззвучно забарабанили по столу. «Не нравится», – с огорчением подумал Орлов, но продолжал излагать заранее подготовленные тезисы.

– Достижение гражданского согласия возможно только на основе взаимных компромиссов со стороны государственной власти и всех активных политических сил общества, равноправного диалога партнеров, а не политических противников. Это потребует...

– Подождите, Андрей Петрович, – вдруг перебил Орлова Скоков. – Что вы говорите? Каких «партнеров»? Вы что, не знаете, что происходит? Что противостояние между законодательной и исполнительной властью достигло такого... – Чувствовалось, что он даже не может сразу подобрать нужного слова. – ...Вы же знаете все дестабилизирующие факторы! Одни желают реванша, другие готовы расшатывать государственный корабль до тех пор, пока он не

развалится, третьи – поливают и тех и других ушатами грязи… А в это время Вольский и группирующиеся вокруг него люди готовят реальную альтернативу Президенту. С кем согласие?

Орлов не ожидал такого резкого отпора своей позиции, сначала с некоторым смущением молчал, слушая Скокова, а затем продолжил гнуть свою линию.

– Но, Юрий Владимирович, я считаю… Это мое мнение… Власть сегодня должна отказаться от противоборства с теми, кто не разделяет форм и методов осуществления экономической и политической реформ… Мы ведь сами понимаем, что реформами все то, что происходит, можно назвать только с большой натяжкой!

В кабинете воцарилась напряженная тишина. Произнесенные Орловым слова были столь прямолинейны, если не сказать, крамольны, что ставили в неловкое положение всех и, прежде всего, самого Скокова. Как один из самых близких к Президенту людей, выступающих за реализацию демократических реформ, он был просто обязан среагировать на пассаж Андрея. В противном случае, можно было предположить, что он разделяет эту точку зрения, явно противоречащую заявлению государственного руководства.

Но Скоков промолчал. На лице его было написано явное напряжение, готовность в любую минуту остановить зарвавшегося члена рабочей группы, позволившего в святая святых – стенах президентского корпуса Кремля – ставить под сомнение правильность избранного курса реформ. Собственно говоря, это было явным нонсенсом – в структуре, которая должна была разрабатывать мероприятия по поддержке продекларированных преобразований, зазвучали слова, в достаточно явной форме критикующие эту линию. Да и из чьих уст? Ладно бы высокого должностного лица или авторитетного политолога, к мнению которых можно было бы прислушаться или, по крайней мере, точку зрения которых следовало бы учесть. А тут – сотрудник Министерства безопасности!

И, тем не менее, Скоков продолжал молча слушать.

– Я считаю, что в Послании Президента должно быть объявлено, что в ближайшее время будет сформировано «правительство гражданского согласия» из числа пользующихся народным доверием политиков, видных хозяйственников, крупных бизнесменов, авторитетных представителей армии и правоохранительных органов, признанных деятелей науки и культуры…

– Все, все! Хватит! – Было видно, что терпению Скокова пришел конец. – Садитесь!

Он сделал жест рукой, побуждающий Орлова прекратить дальнейшее изложение своей позиции и показывающий, что больше он не хочет даже слушать, что говорит Андрей.

– Но, Юрий Владимирович, – Орлов попытался продолжить, еще не осознавая в полной мере, что его не желают дослушать до конца. – Я…

– Прошу вас, садитесь, – как-то враждебно произнес Скоков, не глядя на Орлова, и, обратившись к остальным присутствующим, холодно спросил:

– Кто еще хочет высказаться?

Андрей ощущал почему-то жгучее чувство стыда и горечи. Нет, это было не сожаление о том, что его рассуждения оказались неподдержаными Скоковым и вызвали у него раздражение. И дело было даже не в том, что Орлов вдруг отчетливо понял бесперспективность своей дальнейшей работы в группе. Со своими взглядами он вряд ли мог рассчитывать на понимание властей предержащих и их окружения. Его угнетало другое. Андрей всегда боялся оказаться несостоятельным, несоответствующим тем ожиданиям, которые связывались с результатами его труда. «Не оправдать доверия» – было для него не просто стыдно, а позорно. Болезненное самолюбие требовало неизменного признания его способностей, а тщательно скрываемое им чувство тщеславия требовало постоянного удовлетворения.

Свои предложения формулировал уже кто-то другой, а Орлов все стоял, держа в руке теперь уже совсем никчемные листки.

– Что вы стоите? Садитесь! Вас мы уже послушали! – Скоков теперь уже не безразлично, а явно раздраженно посмотрел на Андрея.

У Орлова появилось спонтанное желание тотчас уйти из этого кремлевского кабинета, плюнуть на все эти бесконечные словопрения, недомолвки, намеки, досужие рассуждения, которые вряд ли могли привести к чему-либо путному. Но, естественно, сделать он этого не мог, и оставшееся время сидел не проронив ни слова.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это было мое полное поражение. По существу, я впервые получил резкую отповедь своим взглядам на столь высоком уровне. Все мои мучительные размышления о том, что надо предпринять, чтобы страна не скатилась в пропасть, были резко отвергнуты. Я был не только посрамлен, но и уличен в невежестве, неспособности мыслить новыми категориями. Такого удара по самолюбию я не получал никогда ранее!» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

Тем временем Юрий Владимирович перешел к формулированию собственного понимания стратегических целей государства. Видимо, не дождавшись от участников беседы каких-либо заслуживающих внимания предложений, он стал развивать свою позицию.

– Нам в России, безусловно, нужна сильная президентская власть. Только она может привести к построению подлинно демократического государства. Но реальность такова, что нам надо считаться с теми, кто против сильной власти Президента. Верховный Совет не воспринимает эту идею и всячески будет препятствовать ее реализации. И здесь самое главное – на чем консолидировать общество? Что должно объединить всех? Я думаю, только одно может объединить интересы всех – собственность!

Сказав это, Скоков обвел всех долгим испытующим взглядом, как бы пытаясь убедиться в полной поддержке сидящих за столом. Кто-то одобрительно кивал, кто-то внимательно смотрел на Секретаря Совета безопасности, всем своим видом демонстрируя благоговейное согласие с его высказываниями. И только Виталий Федорович с Андреем уткнулись в свои бумаги, по-видимому, не желая встречаться глазами со Скоковым.

– Всем должно быть ясно: какой у нас будет создан собственник – такой будет и власть. Это должно красной нитью проходить через все Президентское Послание. Согласны? – Он сделал паузу. В ответ не раздалось ни слова. – Тогда давайте поговорим о структуре Послания...

В тот вечер они разошлись очень поздно, ближе к полуночи. Мидовец и начальник управления МВД сразу уехали на своих персональных машинах, а Орлов вместе с Виталием Федоровичем устало пошли к ожидающим их на Васильевском спуске дежурным «Волгам» – каждой от своего ведомства. На подходе к Спасской башне опытный разведчик остановился и, взяв Андрея за локоть, сказал:

– Не переживайте, Андрей Петрович. Я с вами полностью согласен. У них, видите, как – сейчас на первом месте собственность...

– Но, Виталий Федорович, скажите, как собственность может консолидировать общество? Да она, наоборот, его разъединит! Это известно еще с древности! Ведь недаром люди во все века стремились к социальной справедливости! Имущественное расслоение – это как раз путь к обострению противоречий, основа для будущих...

– Не обижайтесь на Скокова. Он вынужден так говорить...

Проем в стене, через который, как правило, проходят все посетители, прибывающие по служебным делам, был уже закрыт, и они вышли из Кремля прямо через арку в Спасской башне, предъявив охране свои удостоверения.

* * *

Воспоминания о событиях более чем полугодовой давности отвлекли Орлова от происходящего в приемной Филатова. Прошло уже почти полчаса после оговоренного срока встречи

с руководителем Администрации Президента, но Андрея Петровича все не приглашали в кабинет. Напротив, за столом толстячок по-прежнему увлеченно читал газету. Рядом с входной дверью, все так же углубившись в книгу, сидел «прикрепленный». Секретарша решительно «отбивала» звонки, отсылая абонентов, одного за другим, то к замам или начальникам управлений, то на последующие дни, то, вообще отвечая, что обращение не по адресу.

Вдруг дверь кабинета распахнулась, и из него вышел невысокий человек с «гутульскими» усами.

«Шахрай»¹⁷, – узнал Орлов начальника Государственно-правового управления, одного из самых активных радикальных демократов, которого не раз видел в дни августовских событий и после, когда он приходил к Иваненко, председателю Российской КГБ, тогдашнему шефу Андрея.

Тот, не глядя на окружающих, быстрым шагом направился к двери и только перед тем, как распахнуть ее, обернулся, окинул безразличным взглядом приемную и, кажется, едва заметно кивнул сидящим за столом. Сразу после этого у секретаря раздался протяжный резкий звонок, та сняла трубку и тут же, повернувшись к Орлову, сказала:

– Заходите!

Когда Орлов открыл вторую дверь и попал из небольшого тамбура в кабинет, он увидел знакомого по программам теленовостей седовласого человека, сидящего за письменным столом. Он внимательно, не отрывая глаз, читал какой-то документ. Орлову даже показалось, что он не заметил прихода нового человека. Во всяком случае, Филатов, а это был именно он – руководитель Администрации Президента, не обратил никакого внимания на Орлова. Так продолжалось по меньшей мере около минуты. И чем дальше Андрей стоял неприкаянно около двери, не решаясь сделать шаг в сторону высокого начальника, тем большее чувство неловкости охватывало его.

Наконец Филатов, как бы спохватившись, оторвался от чтения документа, поднялся с кресла.

– Здравствуйте, – с едва заметной хрипотцой в голосе произнес Филатов. Он вышел из-за стола к сделавшему несколько шагов ему навстречу Андрею и, протянув руку, еще раз повторил: – Здравствуйте.

Руководитель администрации испытывающим взглядом посмотрел на Орлова, затем, как бы приглашая его присесть, кивнул на квадратный приставной столик, а сам снова вернулся на свое место и уселся в кресло.

Вблизи Филатов оказался более простым и располагающим к себе, чем на экране телевизора. Еще совсем недавно он постоянно мелькал на заседаниях Верховного Совета, каких-то официальных встречах, сидел в президиумах, беседовал с журналистами. Тогда он казался Андрею похожим на вузовского преподавателя, неожиданно для себя ставшего партийным функционером, и ассоциировался с шумным и многоголосым депутатским корпусом. Но последующее назначение Филатова руководителем администрации вместо Юрия Владимиоровича Петрова¹⁸, давнего ельцинского товарища, против которого ополчилась «новая демократическая команда», вводило бывшего заместителя руководителя парламента в самый ближний круг первого лица страны.

Лицу Филатова несомненное благородство придавала седая шевелюра, с уже явно обозначившимися залысинами на лбу. Его нисколько не портил удлиненный, крупный нос и мелкие морщинки, собравшиеся в углах глаз. Открытый и широкий лоб, живые и внимательные глаза, доброжелательная улыбка – все это сразу же вызвало симпатию у Орлова.

¹⁷ Шахрай Сергей Михайлович – заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), председатель Государственного комитета Российской Федерации по делам Федерации и национальностей (1993).

¹⁸ Петров Юрий Владимирович – в 1991–1993 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

– Андрей… – начал было Филатов и замялся, видно забыв отчество сидящего перед ним человека. Он даже начал шарить по столу рукой, пытаясь найти нужную бумажку, на которой были записаны данные Орлова, но Андрей опередил его.

– Андрей Петрович, – помог Орлов.

– Ну, да. Мне, Андрей Петрович, вас порекомендовал Сергей Вадимович… – Филатов упомянул известного председателя парламентского комитета по обороне и безопасности. – Степашин¹⁹ сказал, что вы справитесь… с той работой, которую здесь надо разворачивать. Серёжа сказал мне про вас: «Это мой человек, можете доверять ему, как мне». Не подведете? Вы юрист?

– Нет, Сергей Александрович, я – историк. Но я прошел курсы контрразведки…

– Это я понимаю. А сейчас чем вы занимаетесь?

– Я – заместитель начальника Оперативного управления. Это – своего рода штабная работа – планы всякие, докладные записки на имя Президента, взаимодействие с органами государственной власти, контроль за положением дел на территории… межведомственные мероприятия… Наше управление проводит…

Несмотря на то что лицо Филатова демонстрировало внимание, было заметно, что его мало интересуют дела Орлова в Министерстве безопасности. В глазах Сергея Александровича едва прочитывалось какое-то затаенное беспокойство, которое он не хотел или не считал возможным пока высказывать незнакомому человеку. Он терпеливо дослушал Орлова, пока тот рассказывал ему о своей работе, а потом прямо спросил:

– А как Баранников относится к предложению работать вам в администрации?

Этого Орлов не знал. Ему просто сказали, что министр был не против того, чтобы прикомандировать Орлова к администрации. Но что Андрей знал точно, так это то, что инициатива исходила не от Баранникова, который с подозрением и даже недоверием относился к сотрудникам своего предшественника на посту руководителя Российского комитета.

Орлов понимал, что за приглашением работать у Филатова стоит какая-то большая игра, в суть которой его пока не сочли возможным посвятить. Он осознавал лишь, что неизбежно оказывается меж двух огней – между двумя очень влиятельными фигурами в окружении Президента, фигурами противоречивыми, которых объединяет только одно – стремление укрепить свое влияние на Ельцина, а следовательно – оттеснить конкурента. А то, что Орлов был сотрудником службы безопасности, придавало его положению нечто особенное, выделяющее его из множества других работников Администрации Президента.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я тогда и представить себе не мог, насколько трудной окажется для меня работа в администрации. Прослужив в органах безопасности более десяти лет и уже имея опыт руководящей работы, я рассчитывал, что смогу быстро адаптироваться к новым условиям. Но обрушившиеся на меня “деликатные” поручения Филатова и указания Баранникова опрокинули мои представления. Правда, именно с этих дней круг моего общения в Министерстве безопасности резко сузился, но при этом повысился в статусе. Начиная с 1993 года я, как правило, докладывал все вопросы лично первым руководителям ведомства – Баранникову, Голушко²⁰, Степашину, Барсукову²¹, Ковалеву²²...» (Из воспоминаний А.П. Орлова).

¹⁹ Степашин Сергей Вадимович – заместитель министра безопасности России – начальник Управления МБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (1992), народный депутат Российской Федерации (1990–1993).

²⁰ Голушко Николай Михайлович – заместитель, первый заместитель министра безопасности Российской Федерации (1992 – июль 1993), министр безопасности Российской Федерации (1993).

²¹ Барсуков Михаил Иванович – начальник Главного управления охраны России (1992–1995), директор Федеральной службы безопасности России (1995–1996).

²² Ковалев Николай Дмитриевич – в 1996–1998 годах директор Федеральной службы безопасности России.

Несмотря на то, что с Андреем было проведено несколько предварительных бесед, он так до конца и не понимал, зачем он нужен Филатову. Не являясь доверенным лицом Баранникова на Старой площади, он вместе с тем оставался сотрудником спецслужбы и от него могли в любое время потребовать исполнения каких-либо поручений министра. Если Филатов в борьбе за влияние на Президента хотел иметь свой собственный, независимый от Баранникова источник информации из Министерства безопасности, то он очень ошибался – в таких условиях Орлов не смог бы сделать и шагу, чтобы не подвергнуть себя риску быть уличенным в двойной игре. Если же Баранников, «отдавая» Орлова Филатову, рассчитывал, что тот станет его информатором в окружении своего конкурента, то он ошибался тоже – Орлов по своему характеру не был способен стать банальным стукачом.

Во всяком случае, вопрос Филатова о том, как Баранников отнесся к переходу Орлова на работу в Администрацию Президента, не был для Андрея неожиданным. Но ответить на него внятно Орлов, тем не менее, не мог. Поэтому он только однозначно сказал:

– Не знаю, Сергей Александрович.

– Хорошо. Теперь давайте поговорим о том, что вы должны будете делать здесь. Перед вами стоит очень важная задача. Первое – это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет ни в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь есть люди, которые передают служебные сведения на сторону... Или просто их продают...

Когда Орлов вышел из кабинета Филатова, толстячок все также сидел за круглым столом с вазой и лениво читал газету, «прикрепленный» замер, уткнувшись в книгу, а секретарь продолжала свой бесконечный телефонный разговор с потенциальными посетителями. С того момента, как Андрей вошел в кабинет Руководителя Администрации Президента, прошло всего лишь двадцать пять минут. Но за это время в судьбе подполковника Министерства безопасности Орлова произошел очередной крутой поворот, определивший ему свое место в драматических событиях 1993 года.

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Рублево-Успенское шоссе.

Бывшая дача ЦК КПСС

– Господа, мы не должны упустить шанс получить пятьсот миллионов баксов. Это было бы просто глупо! Если уж сам Джохар сказал мне, что готов принять эту африканскую обезьяну!

– Он сказал это тебе в прошлом году!

– Какая разница, Боря? Что, в этом году заложников стало меньше? Вот, наш друг Раджаб, человек знающий, подтвердит...

Сидевший в кресле маленький, коренастый мужчина с восточными чертами лица в затемненных очках в металлической оправе еле заметно кивнул.

– Риска никакого! Пятьдесят процентов нам, пятьдесят – им! Африканец этот потом еще отвалит... У него денег немерено! Наш друг, этот бригадефюрер, сказал, что речь идет не менее чем о шестнадцати миллиардах! Игра стоит свеч, господа! В результате проведения операции мы можем получить такой канал финансирования для нашего движения, что... Тогда жидам-демократам и партократам-большевикам придет каюк! Тогда пробьет наш час и наступит «русское время»!

Столь откровенно нацистская тирада в устах молодого человека, вальяжно развалившегося в глубоком кожаном кресле, выглядела несколько странной. Да и сам вид его явно диссонировал с тем, что он говорил. Элегантный импортный костюм, белая рубашка с галстуком, аккуратная короткая стрижка, поблескивающая золотом печатка-перстень на правой руке,

наручные часы с изящным браслетом – все это выдавало в нем скорее преуспевающего бизнесмена, нежели «пламенного борца за свободу» или политика с ультраправыми взглядами.

В большом зале старого цековского особняка находилось пятеро – только что настойчиво выступающий за проведение какой-то «операции» парень, которого все называли Григорием; лысый таджик в темных очках по имени Раджаб; Борис, высокий седовласый мужчина с простецким лицом, в отличие от остальных без галстука, в темно-синей водолазке под пиджаком. Двое других были явно вместе, правда, один, безликий человек в дорогом, ладно сидящем костюме, был, скорее всего, старшим по положению, «боссом», а второй – его помощником или охранником, а может быть, и тем и другим.

Двери гостиной были плотно прикрыты, как, впрочем, и окна, за которыми раскачивались голые ветки деревьев. Здесь за городом было ветreno и совершенно не чувствовалось наступление весны.

Обстановка в комнате была, несомненно, старой и вызывающе помпезной – массивный книжный шкаф с секретером, за поблескивающими стеклами которого виднелись корешки полных собраний сочинений классиков, энциклопедических справочников и толстых альбомов с художественными репродукциями; громоздкий кожаный диван и несколько таких же кожаных кресел, произвольно стоящих вокруг стола, устланного тяжелой скатертью, испещренной тонким узором; большая мебельная горка с дорогой фарфоровой и хрустальной посудой. Над столом висела тяжелая пятирожковая люстра из темного металла, напоминающего бронзу. Пол же был устлан громадным, во всю ширину помещения, ковром, бледным и слегка потертым в отдельных местах.

На стенах висели картины в толстых, потерявших золотой блеск, багетовых рамках. Сюжеты с горными пейзажами и романтическими замками не оставляли сомнения в том, что это – картины немецкой школы мастеров XV–XVI веков или, по крайней мере, их хорошие копии. Все это придавало казенному помещению довольно интеллигентный вид, однако никоим образом не свидетельствовало об интеллигентности его обитателей.

– Вот ты, Григорий, предлагаешь взять бабки у этого африканца. А как ты объяснишь, ёханый бабай, своим людям, что русские националисты, защитники русского народа от засилья всяких там… – человек в водолазке сделал неопределенный жест рукой и брезгливо сморшил нос, – от них же и получают бабки на нужды своего движения?

– Да поймите же вы, политические лозунги – это одно, а реальная практика, борьба – совсем другое. Я усвоил это еще когда проходил основы марксизма-ленинизма. Для достижения целей нашей организации любые средства хороши. Сейчас всякий, кто нам даст «капусту» или окажет какую другую услугу – наш друг. Потому, что он помогает нам прийти к власти. И только тогда, когда мы будем сидеть не здесь, в этом провонявшем старым сарае, а в Кремле и на Старой площади… только тогда мы откажемся от подачек всяких там африканцев или азиатов!

Выпалив все это, Григорий смущился. Он только тут вспомнил о Раджабе, сидящем напротив. Таджику вряд ли могли понравиться столь откровенные высказывания молодого человека, явно свидетельствующие о лицемерии собеседника и его людей. Но тот продолжал сидеть как ни в чем не бывало. Лицо таджика оставалось невозмутимым, и даже черные брови, придающие его облику жесткое выражение, не шелохнулись. Он как будто и не слышал того, что сказал Григорий.

– Боря, сегодня главная задача – не упустить шанс и посадить наших людей на ключевые посты. Кто нам в этом поможет – спасибо! Мы их не забудем! Кто поможет деньгами – тоже спасибо, они вернут свое потом, когда мы станем сильными. И не только вернут, но и получат хороший навар! Это же рынок! Я правильно говорю, Михаил Юрьевич?

Он повернул голову в сторону «босса». Тот среагировал сразу же:

– Борис, вы не во всем правы! Я не разделяю радикальные идеи нашего молодого коллеги... – Михаил Юрьевич строго посмотрел на Григория, – и все-таки я абсолютно согласен с ним, что для приобретения необходимых рычагов влияния нам надо использовать все средства. И, конечно же, поменьше шума, трескотни, воплей... Мы же не на улице среди этого быдла, которое возомнило себя народом! Мы умные люди и должны действовать с умом! Впервые история распорядилась так, что к власти могут прийти талантливые, способные, предприимчивые люди. Их уже и так немало в бывших цековских кабинетах. Но – это так называемая первая волна радикальных демократов. Они, прямо скажем, в большинстве своем оказались не готовыми управлять этой страной. Новые кухарки! Да это и понятно! Одно дело – выступать против режима, защищать Белый дом от танков, громить символы тоталитаризма, и совсем другое – взять на себя руководство целыми отраслями производства, армией, правоохранительными органами... Здесь уже нужны другие люди! Со знаниями, опытом...

Это тирада была первой, которую услышали присутствующие из уст «босса». До сих пор он только молчал, внимательно наблюдая за перепалкой Григория с Борисом. Он говорил неторопливо, мягким голосом, чуть назидательно, как будто читал лекцию перед студенческой аудиторией. Все с благоговейным выражением смотрели на Михаила Юрьевича, демонстрируя ему своим видом глубокое почтение и уважение. А тот, нисколько не сомневаясь в подобной реакции, продолжал:

– Вот вы, Борис, говорите: не надо брать денег у этого африканца. Но почему? Если это поможет реализации ваших замыслов, то... простите, всякие там рассуждения о чистоте «русской идеи» остаются пшиком! Сначала надо добить коммунистическую гадину, укрепить позиции демократии в России, добиться того, чтобы собственность перешла в руки тех, кто может грамотно распорядиться ею, а потом уже рассуждать о национальных интересах и приоритетах!

Борис буквально внимал словам «босса», вежливо кивая и демонстрируя тем самым свое абсолютное согласие со словами Михаила Юрьевича. Он сидел скрестив на груди руки. На запястье одной из них красовались великолепные часы, скорее всего швейцарские.

– И даже, Борис, если вы со мной не согласны...

– Да что вы, Михаил Юрьевич! Я с вами полностью согласен! Я...

«Босс» хитро прищурился и погрозил ему пальцем:

– Не пытайтесь меня обмануть! Это невозможно! Ваши руки... – он еле заметно кивнул в сторону Бориса, – ваши руки выдают вас! Вы должны знать: если человек переплетает руки на груди – значит, он не согласен с собеседником!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.